ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2012
XXI

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК

787

EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Том XXI

Экспресс-выпуск • Express-issue

2012 № 787

СОДЕРЖАНИЕ

2017-2024 Пётр Петрович Сушкин (1868-1928). Г.П.ДЕМЕНТЬЕВ

2024-2028 О гнездовании журавля-красавки *Anthropoides virgo* в Бухтарминской долине в низовьях Тургусуна (Юго-Западный Алтай). Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ

2028-2029 О нахождении длиннохвостого сорокопута *Lanius schach* на южном побережье Алаколя. С.Ю.АННЕНКОВА

2029-2031 Гнездование кречета *Falco rusticolus* на юге Большеземельской тундры. Р.Н.ВОРОНИН

2032-2036 «Летование» северных видов куликов в южной России. В.П.БЕЛИК

2037 Гнездование деревенской ласточки *Hirundo rustica* и черноголового чекана *Saxicola torquata* на Чукотке. И.В.ДОРОГОЙ

Редактор и издатель А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2012
Дата опубликования: 1 сентября 2012

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXI
Express-issue

2012 № 787

CONTENTS

2017-2024 Peter Petrovich Sushkin (1858-1928). G.P.DEMENTIEV

2024-2028 Breeding of the demoiselle crane *Anthropoides virgo* in Bukhtarma valley in the downstream Turgusun (South-Western Altai). N.N.BEREZOVIKOV

2028-2029 The record of the long-tailed shrike *Lanius schach* on the south shore of Lake Alakol. S.Yu.ANNENKOVA

2029-2031 Breeding of the gyrfalcon *Falco rusticolus* in the south of the tundra Bolshezemelskaya. R.N.VORONIN

2032-2036 Estivation of northern species of waders in southern Russia. V.P.BELIK

2037 Breeding of the barn swallow *Hirundo rustica* and the stonechat *Saxicola torquata* on Chukotka. I.V.DOROGOY

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2012

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск ***787****: 2017-2024*

Пётр Петрович Сушкин (1868–1928)

Г.П.Дементьев

Второе издание. Первая публикация в 1963[*]

Пётр Петрович Сушкин был выдающимся зоологом и палеонтологом-дарвинистом. Его труды по орнитологии получили мировую известность и оказали существенное влияние на развитие этой области биологии.

Пётр Петрович Сушкин родился в городе Туле в купеческой семье 27 января 1868 года. Семья Сушкиных к моменту поступления Петра в университет окончательно разорилась и в дальнейшем не оказывала ему никакой поддержки. В 1885 году П.П.Сушкин окончил в Туле гимназию и осенью того же года поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Здесь он с 1887 года стал заниматься на кафедре сравнительной анатомий у М.А.Мензбира, по представлению которого и был оставлен в 1889 году по окончании университета при кафедре для подготовки к профессорскому званию. В 1893 году П.П.Сушкин сдал экзамены на степень магистра, а в феврале 1897 года защитил магистерскую диссертацию на тему «К морфологии скелета птиц. Череп *Tinnunculus*», которая в очень короткое время приобрела широкую известность как классическое исследование развития черепа птиц в онтогенезе, намного превзошедшее исследования по сходным вопросам предшественников Сушкина, в частности – обоих Паркеров. В этой же работе П.П.Сушкин впервые обосновал разделение нормальных дневных хищных птиц на семейства соколиных и орлиных, ныне общепринятое. Любопытно отметить, что такая группировка была предложена ещё около 1250 года Фридрихом Гогенштауфеном, но не привлекла к себе внимания зоологов в XVIII-XIX веках.

Диссертация П.П.Сушкина была удостоена Академией наук премии имени Кесслера. Однако вплоть до 1901 года П.П.Сушкин занимал скромную должность лаборанта при кафедре сравнительной анатомии Московского университета, участвуя в проведении практикума при курсе, который читал М.А.Мензбир. Других вакантных должностей в возглавляемом профессором М.А.Мензбиром Институте сравнительной анатомии тогда не было, а порывать связи с Московским университетом П.П.Сушкин не хотел. В 1899-1900 годах ему была предоставлена

[*] Дементьев Г.П. 1963. Пётр Петрович Сушкин (1868-1928) // *Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. Биология, медицина, сельскохозяйственные науки*. М.: 354-359.

длительная заграничная командировка. Он работал в крупнейших зоологических собраниях в Германии, Франции, Англии, Италии, Голландии и Бельгии. Готовясь к докторской диссертации, П.П.Сушкин занимался преимущественно изучением хищных птиц (главным образом остеологией). К этому времени относится личное знакомство Сушкина с выдающимися иностранными орнитологами, в частности с Шарпом, Хартертом, Рейхеновом. Заграничная командировка дала П.П. Сушкину огромный материал. Во время её у него наметился ряд работ и вопросов в области систематики, сравнительной анатомии и морфологии, которые затем нашли своё отражение в последующие годы, а некоторые, как, например, монография о палеарктических орлах, так и остались незаконченными.

Оформление докторской диссертации заняло довольно долгое время. Диссертация вышла под заглавием: «К морфологии скелета птиц. I. Сравнительная остеология дневных хищных птиц (Accipitres) и вопросы классификации. II. Сокола и их ближайшие родственники». Эта работа П.П.Сушкина представляет собой в сущности первый широкий опыт применения анатомического (остеологического) анализа для установления родовых группировок и для выяснения отношений между близкими видами. Академия наук присудила за неё П.П.Сушкину Брандтовскую премию.

В 1909 году П.П.Сушкин был избран профессором Харьковского университета, где и провёл почти десять лет, между 1910 и 1918 годами. Ему пришлось тогда до известной степени порвать связи с Московским университетом, где он, начиная с 1901 года, был приват-доцентом. Впрочем, как писал об этом М.А.Мензбир, П.П.Сушкин, принадлежавший к числу передовых преподавателей Московского университета, наверное покинул бы его вместе с другими профессорами и приват-доцентами в связи с известным разгромом университета министром Народного просвещения Л.А.Кассо в 1911 году. С 1891 года П.П.Сушкин преподавал сравнительную анатомию на Московских высших женских курсах.

После кратковременной (1919-1920 гг.) работы в Таврическом университете и в Симферопольском естественноисторическом музее, П.П. Сушкин переезжает в Петроград. Смерть В.Л.Бианки, долгое время заведовавшего орнитологическим отделом Зоологического музея (ныне Института) Академии наук, поставила на очередь вопрос о привлечении в число сотрудников этого учреждения компетентного орнитолога. На должность старшего зоолога – заведующего орнитологическим отделом музея был избран П.П.Сушкин, приступивший к работе в августе 1921 года. В конце 1922 года он начал систематическую работу в Геологическом музее Академии наук, где приступил к обработке богатейших северодвинских коллекций В.П.Амалицкого. В 1923 году П.П.Сушкин

занял пост директора Северодвинской галереи Геологического музея, которую и возглавлял до своей смерти.

Пётр Петрович Сушкин (1868–1928).

В 1928 году П.П.Сушкин был избран действительным членом Академии наук. В 1924 году он ездил в Германию, Англию и Америку, где работал по систематике и морфологии птиц и по палеозойским рептилиям. В 1926 году он участвовал в первом послевоенном (а вообще шестом) Международном орнитологическом конгрессе, собравшемся в Копенгагене, где выступил с докладами о гибридах между некоторыми дроздами и сорокопутами, о систематическом положении дрепанид и об адаптивной радиации у некоторых островных групп птиц. В 1927 году он принимал участие в Международном зоологическом конгрессе в Будапеште. В том же году он был избран академиком-секретарём отделения физико-математических наук Академии наук СССР.

Деятельность П.П.Сушкина прервалась в её расцвете. Поехав осенью 1928 года на отдых и лечение в Кисловодск, он заболел там воспалением лёгких, приведшим его, в связи с ослаблением сердечной деятельности, к смерти. Смерть Петра Петровича последовала 17 сентября 1928 года в Кисловодске, похоронен же он в Ленинграде.

П.П.Сушкин был не только выдающимся теоретиком, но и первоклассным полевым натуралистом. Планомерные полевые исследования были начаты им ещё в годы работы в Московском университете и прекратились лишь после переезда его в Ленинград. С 1887 года он начал сборы в Тульской губернии, закончив их в 1891 году. В эти же годы он посетил Воронежскую губернию. Затем в 1891 году в продол-

жении семи месяцев производил детальные орнитологические сборы в Уфимской губернии, где объездил все уезды, кроме Мензелинского. В 1897 году П.П.Сушкин производил орнитологические сборы в западных уездах (Духовщинском, Дорогобужском, Ельнинском, Рославльском и Краснинском) Смоленской губернии, где провёл пять месяцев. Затем его фаунистические работы были перенесены на восток, в азиатскую часть России. Между 1894 и 1898 годами он совершил две поездки в Киргизские степи (Казахстан); в 1894 году он исследовал фауну птиц в северной части бассейна реки Эмбы, Мугоджарских гор и северных районах бассейна Иргиза; в 1898 году производил сборы в низовьях Иргиза, в бассейне Тургая, у озера Чалкар-Тениз, в борах по Тоболу. В 1902 году П.П.Сушкин вместе с А.Ф.Котсом, впоследствии директором Дарвинского музея в Москве, ездил в Минусинский край, Саяны и западную часть Урянхайской земли. В 1904 году он производил зоологические сборы в южных частях бывшего Зайсанского уезда, у Зайсана и в Тарбагатае. В 1913 году П.П.Сушкин совершил короткую, но интересную поездку по Кавказу (был на Черноморском побережье, в центральном и западном Закавказье и в Армении).

В 1912 году П.П.Сушкин совершил первую поездку на Алтай, в 1914 – вторую. Большинство этих поездок были совершены при некоторой материальной помощи Московского общества испытателей природы, которое с раннего периода деятельности П.П.Сушкина оценило его блестящие дарования. Материалы, собранные во время этих поездок, легли в основу последнего монументального фаунистическо-зоогеографического исследования П.П.Сушкина, книги «Птицы Советского Алтая и прилежащих частей северо-западной Монголии», увидевшей свет, к сожалению, только через десять лет после смерти её автора.

Как полевой зоолог, П.П.Сушкин отличался необыкновенной энергией и исключительной способностью быстро схватывать основное в облике исследуемой фауны. Это позволило ему в сравнительно короткое время собирать действительно характерных представителей животного мира исследуемого района, а также и трудно добываемые формы. Орнитологам хорошо известно высокое мастерство П.П.Сушкина при отыскании и добывании разных воробьиных, в особенности славковых. Поэтому все путешествия П.П.Сушкина, кроме общих данных о характерных особенностях орнитофауны изученных им районов, давали всегда много интересных частностей по биологии и распространению птиц. В результате этих путешествий собирались большие коллекции. В студенческие годы, во время своих поездок по Тульской губернии, он собрал около восьмисот птиц. Уфимские сборы составили 807 экземпляров. В Средней Киргизской степи в первой поездке было собрано 1100 птиц, во второй – 600. В Смоленской губернии Сушкин собрал 350 птичьих шкурок, а из Зайсанского уезда – около 800 птиц.

Минусинская поездка дала около 600 экземпляров. Наконец, из алтайской поездки 1912 года П.П.Сушкин привёз 894 экземпляра птиц, а в 1914 году – 1129 птиц, в том числе такие редкости, как хорошие серии алтайского кречета *Falco altaicus*, *Falco cherrug saceroides*, *Buteo hemilasius*, *Leucosticte margaritacea* и т.д. Надо иметь в виду, что в этих экспедициях, кроме птиц, коллектировались также мелкие млекопитающие, амфибии и рептилии, рыбы, дневные бабочки. П.П.Сушкин во всех вопросах зоологической техники чувствовал себя совершенно независимым и свободным как при изготовлении сложного анатомического препарата и реконструкции, так и при набивке птичьей шкурки. Поэтому все его материалы удовлетворяли всегда и с внешней стороны самым строгим требованиям. Многие помнят, что препаровка тушки небольшой птицы занимала у Петра Петровича только десять минут. Он умел к тому же – что далеко не всегда доступно даже профессиональным препараторам – приготовить тушку ценной птицы, полностью удалив из неё скелет.

Систематические работы П.П.Сушкина имеют чрезвычайно большое значение. Они оставили заметный след во всемирной зоологической литературе. Эти его работы отражают глубокие познания и интересы в области сравнительной анатомии и морфологии. Если классическая школа сравнительных анатомов в лице Фюрбрингера, Гадова, Паркеров, Беддарда и других интересовалась морфологией птиц для выяснения взаимоотношений крупных групп и для филогенетических построений широкого, но не всегда достаточно оправданного фактами масштаба, то П.П.Сушкин поставил перед собой иную и с точки зрения эволюции и видообразования, во всяком случае, не менее интересную задачу: выяснение, на основании тщательного изучения морфологии (главным образом, остеологии) отношений между узкими группами, в том числе и близкими видами. Материалом для таких систематических исследований послужили П.П.Сушкину хищные птицы, а работа вылилась в упомянутую выше докторскую диссертацию. Как один из важнейших результатов этого образцового исследования, можно указать на то, что П.П.Сушкин доказал наличие многочисленных морфологических отличий в пределах узких таксонометрических групп и между близкими видами (а также и подвидами). В ряде случаев эти отличия более резки и постоянны, чем так называемые внешние «признаки» (это, впрочем, отнюдь не умаляет значения последних). На почве таких тщательно разобранных остеологических признаков, в сопоставлении их с другими, П.П.Сушкин установил и обосновал естественную группировку хищных птиц по семействам, подсемействам и родам, охарактеризовав попутно и ряд видов.

Впоследствии за этой образцовой работой последовало детальное изучение некоторых групп воробьиных, в частности семейства вьюрко-

вых из группы т.н. конусоклювых птиц. На основании изучения громадного материала советских, западноевропейских и американских музеев П.П.Сушкин доказал, что часть видов, относимых к палеарктическим вьюрковым, в частности воробьи и близкие формы, относятся к ткачиковым. Он же доказал систематическую близость к вьюркам гавайских дрепанид и дал новую классификацию всей группы. К сожалению, работа эта так и осталась незаконченной.

Систематические работы П.П.Сушкина тесно связаны с морфологическими, а последние – с палеонтологическими. В области палеонтологии древнейших позвоночных Сушкину принадлежит крупнейшая заслуга организации этой отрасли науки в СССР. Будучи директором Северодвинской галереи, Сушкин прежде всего занялся организацией научно поставленной препараторской лаборатории, чего не удалось сделать Амалицкому. Под его руководством техника палеонтологической препаровки достигла очень высокого уровня, во многих случаях превосходившего лучшие зарубежные образцы. Крупнейший зоолог, Сушкин внёс в палеонтологию – на конкретных примерах изучавшихся им форм северодвинской фауны пермских рептилий и амфибий – метод детального морфологического и палеобиологического анализа. Тем самым описанные им формы, до тех пор остававшиеся неясными, сразу вошли в историю палеонтологической науки, и палеонтология древнейших наземных позвоночных получила новые важнейшие данные именно на русских формах.

Если учесть, что до Сушкина многие русские палеонтологические работы в этой области представляли собою в лучшем случае иконографию найденных остатков, становится ясным, что именно Сушкин осуществил переход этой области палеонтологии в СССР на уровень современной науки.

Ему же принадлежит еще одна крупнейшая заслуга – организация систематических поисков и раскопок новых местонахождений ископаемых на территории СССР. Эта работа, продолженная его учениками, теперь, через много лет после смерти Сушкина, дала огромные результаты. Открыто большое число новых форм пермских и триасовых наземных позвоночных, много – нередко богатейших – местонахождений новых фаун, выполнены крупные палеонтологические работы, фауна наземных позвоночных приобретает всё большее значение для стратиграфии континентальных толщ перми и триаса. Короче говоря, палеонтология древнейших Tetrapoda в СССР вышла на одно из передовых мест в мировой науке, что очень резко контрастирует с состоянием этой отрасли тридцать лет назад. И всеми основными корнями своего развития – техникой препаровки, методикой палеонтологического исследования, систематической работой по поискам и раскопкам новых местонахождений – палеонтология древнейших тетрапод

в СССР обязана Петру Петровичу Сушкину. Убеждённый дарвинист, П.П.Сушкин обладал большой способностью к обобщениям, поэтому все его работы велись на широкой биологической основе. В области морфологии ему принадлежит, кроме упомянутых выше работ по морфологическому обоснованию системы хищных птиц и вьюрковых, образцовое исследование развития черепа пустельги, а также несколько статей по вопросу о развитии челюстного и гибридного аппарата позвоночных и, наконец, целая серия исследований по северодвинским ископаемым рептилиям и амфибиям. В этих работах, следуя В.О.Ковалевскому и О.Абелю, П.П.Сушкин, в отличие от многих зарубежных палеонтологов, идёт путём палеобиологического метода, пытаясь на основании разбора морфологических структур представить и биологические черты изучаемого объекта. Тут он подходил к наиболее плодотворному и процветающему в настоящее время в анатомии новому направлению – так называемой функциональной анатомии.

Могила Петра Петровича Сушкина на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге. 1 мая 2012. Фото А.В.Бардина.

В своих палеонтологических работах П.П.Сушкин дал много для понимания эволюции наземных позвоночных, исходя при этом из связи хода этой эволюции с изменениями условий существования, в частности – со специфическими для каждой эпохи комплексами климатических условий. П.П.Сушкин глубоко интересовался связью эволюции позвоночных с геологической историей.

Точность и богатство фактического материала, широта обобщений, строго научный подход к решению разнообразных вопросов биологии и палеонтологии, все эти черты, свойственные работам П.П.Сушкина, будут ещё долго привлекать к ним внимание учёных.

Всего П.П.Сушкиным было опубликовано между 1892 и 1928 годами 95 работ; после его смерти были напечатаны ещё восемь работ.

Главнейшие труды П.П.Сушкина: Птицы Тульской губернии, «Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи», отд. зоол., вып. 1, М., 1892; Птицы Уфимской губернии, там же, вып. 4, М., 1897; К морфологии скелета птиц. Череп *Tinnunculus*, «Учён. зап. Моск. ун-та», отд. естеств. истор., 1897; К морфологии скелета птиц. I. Сравнительная остеология дневных хищных птиц (Accipitres) и вопросы классификации. II. Сокола и их ближайшие родственники, там же, вып. 17, М., 1902; Птицы Средней Киргизской степи, «Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи», вып. 8, М., 1907; Птицы Минусинского края, Западного Саяна и Урянхайской земли, там же, вып. 13, М., 1914; Обратим ли процесс эволюции?, «Новые идеи в биологии», вып. 8, СПб., 1915; Эволюция наземных позвоночных и роль геологических изменений климата, «Природа», № 3-5, 1922; Зоологические области Средней Сибири и ближайших частей нагорной Азии и опыт истории современной фауны палеарктической Азии, «Бюл. Моск. общ-ва. испытателей природы», отд, биол., т, 34, 1925; Новые данные о древнейших наземных позвоночных и условия их нахождения, «Ежегодн. рус. палеонтолог. общ-ва.», т. 6, 1927; Птицы Советского Алтая и прилежащих частей северо-западной Монголии, тт. 1-2, М.; Л., 1938.

О П.П.Сушкине: Дементьев Г.П., Пётр Петрович Сушкин (1868-1928), М., 1940 (имеется библиография); Пузанов И.И., Основоположники русской зоогеографии, «Труды совещания по истории естествознания», М.; Л., 1948.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 787: 2024-2028

О гнездовании журавля-красавки *Anthropoides virgo* в Бухтарминской долине в низовьях Тургусуна (Юго-Западный Алтай)

Н.Н.Березовиков

Николай Николаевич Березовиков. Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 30 августа 2012

Первые встречи журавля-красавки *Anthropoides virgo* в Бухтарминской долине стали регистрироваться с начала 1980-х годов (Березовиков 1988). Все они были приурочены к степной долине среднего течения реки Бухтармы в окрестностях посёлка Чингистай. Впоследствии красавки успешно заселили степные пастбища и сенокосы левобережья Бухтармы между посёлками Катон-Карагай и Урыль. В отдельных

случаях по остепнённым участкам они проникали на гнездовье в глубь горной тайги Южного и Центрального Алтая, вплоть до верхнего течения Бухтармы, поселяясь в устьях речек Прониха и Курту и даже в юго-западных отрогах хребта Листвяга в районе села Верх-Катунь (Стариков 2004а,б, 2006). Не менее интересна встреча пары взрослых красавок без птенцов 3 августа 2012 на огороженных луговых сенокосах левобережья реки Белая Берель между сёлами Берель и Кара Айрык (бывшая Язёвка). Вместе с тем, в нижнем течении Бухтармы между устьями Черновой, Хамира и Тургусуна, заселённых серым журавлём *Grus grus*, случаев гнездования красавки до последнего времени не отмечалось. Поэтому совершенно неожиданной была встреча пары красавок с 1 пуховым птенцом 24 июня 2012 в нижнем течении реки Тургусун (правый приток Бухтармы) в 1.5-2 км ниже деревни Кутиха (49°56′51.2′′с.ш., 84°03′02.0′′в.д.), расположенной у выхода реки из горного ущелья на равнину (рис. 1-3).

Рис. 1. Журавль-красавка *Anthropoides virgo* в посевах ячменя на окраине пойменного леса Тургусуна. 24 июня 2012. Фото А.Ларионова.

Этот участок левобережья Тургусуна от гор до впадения в Бухтарму между Кутихой и Парыгино на протяжении 12 км представляет собой земледельческий участок, где издавна возделывается пшеница, ячмень, подсолнечник, картофель, а луговые места используются в качестве сенокосов (рис. 4). Семья журавлей-красавок держалась на посевах ячменя и, по всей видимости, загнездилась здесь весной на пашнях. При повторном посещении 26 и 27 июля 2012 я дважды объехал эти поля и пустующие пашни, однако обнаружить выводок красавок не смог. Не исключено, что они уже откочевали на пойменные луга реки

Бухтармы выше села Парыгино (49°48′ с.ш., 84°07′ в.д), где в последнем десятилетии неоднократно отмечались послегнездовые скопления серых журавлей, с которыми красавки нередко объединяются во второй половине лета.

Рис. 2. Журавль-красавка *Anthropoides virgo*, уводящий птенца в зарослях ячменя. 24 июня 2012. Тургусун. Фото А.Ларионова.

Рис. 3. Журавль-красавка *Anthropoides virgo*, отводящий от птенца. Тургусун. 24 июня 2012. Фото А.Ларионова.

Анализируя как опубликованные, так и новые накопленные данные по современному размещению красавки в казахстанской части Алтая можно заключить, что у этого журавля в настоящее время отчётливо проявляются совершенно новые тенденции, связанные с расселением вглубь гор и освоением качественно новых мест обитания. В 1970-1980-х годах переход красавки к гнездованию на зерновых полях дал мощный импульс к расселению и росту численности этого вида в сельскохозяйственных ландшафтах и появлению его в местностях, где он ранее отсутствовал. Коренные изменения, происшедшие в сельском хо-

зяйстве Восточного Казахстана с 1990-х годов, включая ликвидацию совхозов и совхозов, традиционно занимавшихся преимущественно зерновым земледелием, привели к тому, что в первом десятилетии XXI века сельскохозяйственные производители постепенно переориентировались на выращивание подсолнечника, пользующегося наибольшим рыночным спросом. В итоге смены выращиваемых культур красавки были вытеснены из агроландшафтов, где уже адаптировались к гнездованию на пашнях и посевах зерновых. Только этим обстоятельством можно объяснить участившиеся случаи встреч гнездовых пар на пастбищных степях, луго-степных сенокосах в широких горных долинах и озёрных котловинах. При этом у красавки явно приостановился процесс роста численности в связи с дефицитом пригодных для гнездования биотопов.

Рис. 4. Место гнездования красавки *Anthropoides virgo* на полях в низовьях Тургусуна. 27 июля 2012. Фото Н.Н.Березовикова.

Вместе с тем, участились наблюдения этих журавлей по галечниковым руслам и островам в поймах горных рек, в результате чего происходит изменение сложившегося стереотипа гнездования среди открытых пространств с хорошим обзором, как правило, не менее 1 км в радиусе. Теперь стали встречаться пары красавок, живущие по узким полосам речных галечников, ограниченных с обеих сторон высокоствольным тополево-ивовым лесом с весьма ограниченным и зачастую односторонним обзором. Подобное явление отмечается сейчас в пойме нижнего течения реки Ульбы выше города Усть-Каменогорска (Березовиков 2012). В этом году мне удалось получить дополнительную информацию, судя по которой красавки стали регулярно встречаться на

галечниках Ульбы напротив титано-магниевого комбината, то есть уже в поселковой части этого города, с 2005 года. Выше по этой реке в конце мая – начале июня 2010 года пару красавок наблюдали и сфотографировали на пашнях небольшого зернового поля по левобережью Ульбы ниже села Тарханка в районе моста через линию железной дороги Усть-Каменогорск – Риддер. Фотография этой пары имеется в моём архиве. На этом же поле в июле этого года видели семью из трёх красавок, что может свидетельствовать о том, что размножение у них здесь прошло успешно. Так же как и в описанном выше случае гнездования в низовьях Тургусуна, красавки по-прежнему пытаются использовать для гнездования пшеничные и ячменные поля, чаще всего расположенные небольшими квадратами среди обширных пространств, сплошь занятых подсолнечником.

Литература

Березовиков Н.Н. 1988. Журавль-красавка в Восточном Казахстане // *Журавли Палеарктики*. Владивосток: 155-157.

Березовиков Н.Н. 2012. Летние нахождения журавля-красавки *Anthropoides virgo* и кулика-сороки *Haematopus ostralegus* в пойме Ульбы (Западный Алтай) // *Рус. орнитол. журн.* **21** (735): 503-506.

Стариков С.В. 2004а. Орнитологические наблюдения на хр. Листвяга (Центральный Алтай) в 2004 г. // *Каз. орнитол. бюл. 2004:* 98-104.

Стариков С.В. 2004б. Материалы о птицах верхней Бухтармы и центральной части хребта Южный Алтай // *Каз. орнитол. бюл. 2004:* 107-112.

Стариков С.В. 2006. Аннотированный список птиц Катон-Карагайского национального парка и прилегающих территорий Алтая // *Тр. Катон-Карагайского национального парка*. Усть-Каменогорск, **1**: 147-241.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **787**: 2028-2029*

О нахождении длиннохвостого сорокопута *Lanius schach* на южном побережье Алаколя

С.Ю.Анненкова

Второе издание. Первая публикация в 2002[*]

В посёлке Коктума на южном берегу Алаколя 7-8 августа 2000 в течение двух дней наблюдали гнездовую пару длиннохвостых сорокопутов *Lanius schach*. Птицы отличались шумным поведением, перелетали

[*] Анненкова С.Ю. 2002. О нахождении длиннохвостого сорокопута на южном побережье озера Алаколь // *Каз. орнитол. бюл. 2002:* 105.

с нижних веток карагача на островок кукурузы в огороде по соседству, сидели на проводах. 21 мая 2002 с целью обнаружить птиц мы проверили упомянутое выше место, а также проехали по всем улицам села, но длиннохвостых сорокопутов не встретили.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 787: 2029-2031

Гнездование кречета *Falco rusticolus* на юге Большеземельской тундры

Р.Н.Воронин

Второе издание. Первая публикация в 1986[*]

В середине июля 1976 года на реке Морею (центральная часть Большеземельской тундры) в районе «лесного острова» найдено гнездо кречета *Falco rusticolus*, только что покинутое птенцами. В 1979 году этот сокол снова гнездится здесь (А.А.Естафьев, устн. сообщ.).

Более подробно нами собраны сведения о биологии кречета в апреле-июле 1982 и апреле 1983 года. В бассейне реки Большой Роговой (южная часть тундры) в 1982 году встречены 3, а в 1983 – 4 гнездящиеся пары кречетов. Обследовано 7 гнёзд (4 гнездовых участка). Размеры гнезд таковы (см): диаметр гнезда 60-75, высота гнезда до 40-42, диаметр лотка 24-26, глубина лотка 12-15, толщина мягкой подстилки гнездовой камеры 6-8, диаметр веток, из которых сделано гнездо – до 1.8-2.8.

Первое гнездо в 1982 году найдено на дереве в небольшом островке елового леса в пойме Большой Роговой. Оно было построено из свежесломанных веток на высоте 8.5 м от земли. Примерно на 50% гнездо состояло из сухих веток ивы, на 30% – из сухих веток ели и на 20% – из сырых веток карликовой берёзки. Наружная сторона гнездовой камеры была сделана из свежих (сырых) веток карликовой берёзки, а внутренняя – из сухой травы (осоки), мха и концевых веток ели. Дно лотка выстлано мелкими сухими веточками ивы, ели и перьями куропатки. У птицы, сидящей в гнезде, был хороший обзор. В 1983 году этот участок снова заняли кречеты, но кладку сделали в другом (запасном) гнезде недалеко от прошлогоднего. Гнездо располагалось на древовидной иве в пойме реки. Интересно, что прошлогоднее гнездо в 1983 году птицы

[*] Воронин Р.Н. 1986. Гнездование кречета на юге Большеземельской тундры // *Орнитология* **21**: 130-131.

также надстроили (подправили), но по каким-то неизвестным нам причинам оно их не устроило в данном году.

Второе гнездо в 1982 году находилось в пойме реки Сяттейвис (приток Большой Роговой) и располагалось на древовидной иве. Гнездо находилось в 10 км севернее первого. В 1983 году кречеты снова здесь гнездились, но кладку сделали в другом гнезде примерно в 350-400 м от прошлогоднего (также на древовидной иве). Любопытно, что в 1982 году это гнездо занимал мохноногий канюк *Buteo lagopus*. Кречеты надстроили данное гнездо сухими ветками ивы, сделав гнездовую камеру из веток карликовой берёзки. В подстилке была сухая трава и мох.

Третье гнездо в 1982 году найдено в небольшом островке елового леса в пойме Большой Роговой (в 5.5 км южнее первого). В 1983 году в этом островке леса кречеты не гнездились. Причина, видимо, в том, что в 1982 году гнездо развалилось и упало на землю. При обследовании его 8 июля 1983 мы обнаружили, что 2 птенца сидят на земле вблизи гнездового дерева, а третий – на толстой ветке, где было гнездо. Птенцы были почти полностью оперившиеся.

Четвёртый гнездовой участок обнаружен 23 апреля 1983 в островке елового леса в пойме реки Потамбой (приток Большой Роговой). Гнездо располагалось в развилке толстых веток извилистой берёзы.

В 1982 году среднее расстояние между гнёздами составило 6.5 км, а в 1983 – 6.2 км. Обследованные гнёзда располагались: на ели – 3, на иве – 3, на извилистой берёзе – 1. Все обследованные гнёзда находились в районе северного предела распространения ели, которая отдельными небольшими островками заходит по поймам рек в глубь тундры. В этом же районе ежегодно наблюдается сравнительно высокая численность белой куропатки *Lagopus lagopus* (как во время зимне-весенних миграций, так и в период размножения).

В ельнике гнёзда располагались с южной экспозиции стволов деревьев. Аналогичными были гнёзда у ворона *Corvus corax*. Отличительная черта между ними – наличие в гнезде ворона шерсти северного оленя, которая отсутствует у кречета. В то же время в гнезде кречета можно встретить перья куропаток.

Кречеты используют в основном старые гнёзда, надстраивая их. Гнездовой участок занимают обычно в марте; в это же время они начинают подправлять гнездо.

Оборудовав гнездо, самка постоянно находится около него. В апреле 1983 года, наблюдая за одной парой, мы неоднократно видели, что самка сидит в гнезде, хотя кладки ещё не было. В дневное время самец также находился около гнезда.

В 1982 году кречеты приступили к кладке яиц в начале апреля. В первом гнезде 11 апреля было уже 3 яйца. В 1983 году данная пара

приступила к кладке яиц примерно в те же сроки. 5 апреля 1983 гнездо было ещё пустым, хотя самка при нашем посещении сидела в нём. 20 апреля в этом гнезде было уже 4 яйца. В гнезде на Сяттейвисе (второй гнездовой участок) 22 апреля 1982 было также 3 яйца, а 30 апреля – 4. В 1983 году кладка здесь началась позже. 18 апреля гнездо было пустое, хотя самка днём (в 14 ч 30 мин) сидела в нём. При обследовании гнезда на Потамбое 23 апреля наблюдалась аналогичная картина.

В обследованном районе полная кладка у кречета состояла из 4 яиц. Установлено, что последнее яйцо светлее предыдущих. Более того, из него обычно не развивается эмбрион. Поскольку в литературе отсутствуют сведения о размерах яиц кречета, обитающего в данном регионе, мы даем индивидуальные размеры по отдельным кладкам (в мм). Гнездо № 1 – 56.0×46.5; 57.0×46.8; 60.5×44.9. Гнездо № 2 – 58.0×43.5; 57.8×43.5; 59.1×44.0; 58.0×44.5. Гнездо № 3 – 54.5×45.5 (светлое, эмбрион не развился). Средние размеры яиц – 57.6×44.9 мм.

В 1982 году птенцы появились в конце мая. При обследовании гнёзд 13 июня 1982 в одном было 3 птенца и 1 неоплодотворённое яйцо, а в другом – 1 птенец. Второй птенец из этого гнезда был найден на склоне берега реки недалеко от гнездового дерева. По размерам он был чуть меньше первого и погиб, по-видимому, несколько дней назад. Причина гибели неизвестна. Следует заметить, что в 400 м от гнезда кречета гнездился сапсан *Falco peregrinus*, который был весьма агрессивен по отношению к кречетам. Объясняется это, видимо, тем, что кречеты заняли его гнездовой участок, который он использовал в 1981 году (в 1981 году кречет в этом месте не гнездился). В 1982 году сапсан был вынужден загнездиться в другом месте (в 400 м от прошлогоднего гнезда). В 1983 году сапсаны сменили свой гнездовой участок, а кречет продолжал здесь гнездиться.

В 1982 году птенцы кречета вылетели из гнезда 10-12 июля (у сапсана только что вылупились). Судьбу кладок 1983 году проследить не удалось. Следует отметить, что 13 июля 1981 в этом же районе нами встречен выводок из двух молодых, которые держались вместе со взрослыми кречетами.

Таким образом, в южном районе Большеземельской тундры (бассейн реки Большой Роговой) имеются уникальные очаги гнездования кречета, которые следует взять под особую охрану.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск ***787****: 2032-2036*

«Летование» северных видов куликов в южной России

В.П.Белик

Второе издание. Первая публикация в 1996[*]

В степях Палеарктики в летний период регулярно отмечаются многие виды северных куликов. Они часто токуют здесь, нередко имеют хорошо развитые наседные пятна, иногда даже тревожатся, что в прошлом неоднократно приводило к ошибкам в определении характера их пребывания в степной зоне. Позже им стали придавать статус «летующих», т.е. задерживающихся на лето на путях пролёта за пределами гнездового ареала. Этот вопрос был детально исследован А.М.Чельцовым-Бебутовым (1951) в степях Казахстана, однако и после него продолжали появляться публикации с явно ошибочными указаниями на гнездование галстучника *Charadrius hiaticula*, фифи *Tringa glareola* и других северных видов в южных регионах (Мясоедова 1969; Булахов 1973; Лебедева 1973; и др.).

Между тем изучение фенологии миграций куликов в степном Подонье (Белик 1990) показало, что абсолютно все их пролётные виды, в том числе и те, что гнездятся в непосредственной близости – в северных районах Ростовской области (бекас *Gallinago gallinago*, большой кроншнеп *Numenius arquata* и др.), практически полностью исчезают из Предкавказья и Нижнего Дона к концу мая – началу июня, причём дольше всего задерживаются здесь тундровые виды. Между окончанием весенних миграций и началом летних регистраций пролётных куликов всегда существует хорошо выраженный временной хиатус, составляющий обычно не менее 1-2 месяцев у разных видов и в разные годы. Поэтому регистрацию северных видов куликов в июне-июле следует рассматривать, очевидно, не как летование, а как их нормальный пролёт на зимовку после окончания гнездового периода. Подтверждением сказанному служит и быстрое нарастание численности этих птиц сразу вслед за их первыми летними встречами.

Следует также отметить, что начало летне-осенних миграций северных куликов достаточно чётко связано со сроками их первого появления на весеннем пролёте, т.е. интервал между началом весенних миграций и летним появлением у каждого вида относительно стабилен и имеет видоспецифическую длительность. Объясняется это, по-видимому, строго детерминированной продолжительностью предгнез-

[*] Белик В.П. 1996. «Летование» северных видов куликов в южной России // *Экология* 6: 468-470.

дового периода у каждого вида, что хорошо видно, например, на материалах из средней полосы России (Климов, Александров 1990). Таким образом, начало гнездования, а следовательно, окончание репродуктивного цикла и начало послегнездовых кочёвок тесно зависят от времени появления куликов на местах гнездовий.

В качестве иллюстрации можно привести фенологию пролёта таких типичных «летующих» куликов, как турухтан *Philomachus pugnax* – характерный обитатель тундровой зоны, черныш *Tringa ochropus* – преимущественно таёжный вид, и перевозчик *Actitis hypoleucos*, гнездящийся уже на Северском Донце и Среднем Дону в пределах Ростовской области (табл. 1-3).

Таблица 1. Фенология миграций перевозчика *Actitis hypoleucos* в степном Подонье

Годы	Прилёт весной *A*	Отлёт весной *B*	Прилёт летом *C*	Интервалы, сут		
				A–B	*B–C*	*A–C*
1967	23.04	—	—	—	—	—
1968	18.04	—	—	—	—	—
1976	10.04	20.05	30.06	40	41	81
1977	—	—	03.07	—	—	—
1979	—	—	05.07	—	—	—
1980	—	18.05	13.07	—	56	—
1981	—	—	17.07	—	—	—
1982	25.04	—	11.07	—	—	77
1983	24.04	22.05	30.06	28	39	67
1984	—	09.05	—	—	—	—
1985	21.04	—	—	—	—	—
1986	25.04	10.05	30.06	15	51	66
1987	10.04	03.05	09.07	23	67	90
1988	—	—	28.06	—	—	—
1989	19.04	—	27.06	—	—	69
1990	06.04	23.05	26.06	47	34	81
1991	13.04	—	—	—	—	—
1992	20.04	—	04.07	—	—	75
1993	—	—	26.06	—	—	—
1994	17.04	—	27.06	—	—	71
N	13	7	15	5	6	9
Среднее	18.04	15.05	03.07	31	48	75
S.D.	6.3	7.7	6.7	12.9	12.3	7.9

Перевозчик появляется на Нижнем Дону 6-25 апреля, в среднем 18 апреля ± 6 дней (n = 13), а заканчивается его пролёт здесь 3-23 мая, в среднем 15 мая ± 8 дней (n = 7), когда местные птицы уже сидят на кладках. В конце мая – начале июня у них выклёвываются птенцы, а

в конце июня – начале июля молодые поднимаются на крыло. Именно с этого времени – 26 июня – 17 июля, в среднем 3 июля ± 7 дней (n = 15) – начинается летняя миграция перевозчика. Таким образом, в мае в степном Подонье наблюдаются последние перевозчики, летящие, вероятно, далеко на север, а в конце июня появляются отлетающие на юг местные птицы. Интервал между окончанием весеннего пролёта и первыми летними регистрациями равен здесь 34-67 дням, в среднем 48 ± 12 дней (n = 6), а интервал между весенним прилётом и летним появлением составляет 66-90, в среднем 75 ± 8 дней (n = 9).

Таблица 2. Фенология миграций черныша *Tringa ochropus* в степном Подонье

Годы	Прилёт весной *A*	Отлёт весной *B*	Прилёт летом *C*	Интервалы, сут		
				A–B	*B–C*	*A–C*
1967	09.04	16.04	—	7	—	—
1968	—	—	19.06	—	—	—
1970	—	—	05.07	—	—	—
1972	06.04	17.04	—	11	—	—
1975	—	—	10.06	—	—	—
1976	04.04	11.04	—	7	—	—
1977	24.04	18.05	03.07	24	46	70
1978	—	—	20.06	—	—	—
1979	—	—	16.06	—	—	—
1980	14.04	20.04	23.06	6	64	70
1981	11.04	18.04	19.06	7	62	69
1982	17.04	15.05	21.06	28	37	65
1983	26.03	11.05	05.06	46	25	71
1984	31.03	22.04	12.06	22	51	73
1985	30.03	21.04	—	22	—	—
1986	06.04	25.04	08.06	19	44	63
1987	10.04	03.05	27.06	23	55	78
1988	20.03	11.04	—	22	—	—
1989	16.04	21.04	12.06	5	52	57
1990	01.04	25.04	15.06	24	51	75
1991	23.03	—	09.06	—	—	78
1992	01.04	21.04	17.06	20	57	77
1993	27.03	—	10.06	—	—	75
1994	19.03	17.04	11.06	29	55	84
N	19	17	19	17	12	14
Среднее	04.04	24.04	17.06	19	50	72
S.D.	9.9	11.1	8.3	10.8	10.8	7.0

У черныша весенняя миграция на Нижнем Дону продолжается в многолетнем аспекте с 19 марта по 18 мая, а на обратном пролёте он появляется с 5 июня. Но реальный интервал между весенними и лет-

ними регистрациями составляет в отдельные годы 25-64, в среднем 50 ± 11 дней (n = 12). При этом начало летнего пролёта приходится обычно на 70-78-й день, в среднем же – на 72-й ± 7-й день после первого весеннего появления (n = 14).

Таблица 3. Фенология миграций турухтана *Philomachus pugnax* в степном Подонье

Годы	Прилёт весной *A*	Отлёт весной *B*	Прилёт летом *C*	Интервалы, сут		
				A–B	*B–C*	*A–C*
1967	31.03	27.05	—	57	—	—
1968	31.03	—	14.07	—		105
1969	—	22.05	09.07	—	48	—
1970	29.03	—	—	—	—	—
1972	06.04	14.05	—	38	—	—
1976	—	20.05	03.07	—	44	—
1977	—	—	03.07	—	—	—
1979	—	—	03.07	—	—	—
1980	—	18.05	08.07	—	51	—
1982	—	22.05	—	—	—	—
1983	19.03	11.06	30.06.84.19.103	—	—	—
1984	09.03	27.05	21.06	79	25	104
1985	31.03	25.05	—	55	—	—
1986	22.03	03.06	28.06	73	25	98
1987	10.04	10.05	09.07	30	60	90
1988	20.03	—	—	—	—	—
1989	—	—	27.06	—	—	—
1990	08.03	—	26.06	—	—	110
1991	24.03	19.05	20.06	56	32	88
1992	14.03	—	27.06	—	—	105
1993	03.04	—	25.06	—	—	83
1994	19.03	05.06	25.06	78	20	98
N	15	13	16	9	9	10
Среднее	25.03	24.05	30.06	61	36	98
S.D.	9.9	9.0	6.9	18.9	15.0	8.8

У турухтана разрыв между окончанием весенних миграций и первыми летними появлениями составляет в многолетнем аспекте всего 9 дней – с 11 по 20 июня, но реально он продолжается не менее 19 дней, в среднем 36 ± 15 дней (n = 9). Интервал между началом весеннего пролёта и первыми летними регистрациями равен в большинстве случаев 98-105 дням, в среднем 98 ± 9 дней (n = 10). Поэтому, вероятно, можно говорить об июньском пролёте последних птиц на крайний север и об июньском же возвращении турухтанов, отгнездившихся в ранние вёсны где-то недалеко в лесной зоне.

Таким образом, в разобранных выше случаях среди так называемых «летующих» куликов мы имеем, с одной стороны, в основном запоздалых весенних мигрантов, летящих, возможно, в крайне северные районы гнездового ареала, а с другой – птиц, начавших послегнездовые кочёвки после окончания репродуктивного цикла на юге ареала. То же в полной мере относится и к остальным изученным мною пролётным видам куликов.

Само «летование» этих птиц, по-видимому, артефакт, возникающий из-за методических недочётов в изучении их миграций (эпизодичности и непродолжительности наблюдений или отсутствия должного статистического анализа). И если летование у куликов и имеет место, то в общем-то происходит нерегулярно, по крайней мере – на юге России, и должно объясняться воздействием каких-либо посторонних, случайных факторов.

Всем этим отнюдь не отрицается летование холостых птиц, характерное для многих видов, молодняк которых достигает половозрелости в возрасте 2-3-5 лет и первые годы своей жизни проводит на местах зимовок или в пределах миграционного ареала (аистообразные, хищные птицы, чайки и др.). Но и в данном случае анализ характера их пребывания в том или ином районе требует более тщательного подхода.

Литература

Белик В.П. 1990. Миграции куликов в степной части бассейна Дона // *Тр. Тебердинского заповедника* **11**: 67-90.

Булахов В.Л. 1973. Фауна куликов Днепродзержинского водохранилища // *Фауна и экология куликов*. М., **2**: 14-17.

Климов С.М., Александров В.Н. 1990. Гнездование околоводных птиц в урбанизированном ландшафте // *Фауна и экология позвоночных животных в антропогенных условиях*. Волгоград: 100-106.

Лебедева Л.А. 1973. О куликах Саратовского Заволжья // *Фауна и экология куликов*. М., **2**: 52-56.

Мясоедова О.М. 1969. К экологии куликов Ленинского водохранилища // *Изучение ресурсов наземных позвоночных фауны Украины*. Киев: 77-79.

Чельцов-Бебутов А.М. 1951. О характере пребывания в Казахстане северных видов куликов // *Охрана природы* **11**: 80-54.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск ***787****: 2037*

Гнездование деревенской ласточки *Hirundo rustica* и черноголового чекана *Saxicola torquata* на Чукотке

И.В.Дорогой

*Второе издание. Первая публикация в 1991**

В 1986 году в низовьях реки Чаун-Паляваам (Западная Чукотка) отмечено размножение двух видов, ранее не известных на гнездовье на Чукотке. Гнездо деревенской ласточки *Hirundo rustica* обнаружено 14 июня под карнизом дома на Чаунском стационаре Института биологических проблем Севера АН СССР. Оно располагалось на высоте 6 м и представляло собой шаровидное сооружение из сухих стеблей злаков, сцементированных глиной. Впоследствии из-за сильных северных ветров птицы покинули гнездо, и 18 июня в нём находились 2 холодных яйца. Вероятно, эта же пара появлялась там же 26 июня. Ласточки держались там до первых чисел июля, но попыток возобновить гнездование не отмечено. Этот случай гнездования деревенской ласточки на крайнем северо-востоке Сибири (68° с.ш.) уникален, поскольку на обширной территории Магаданской области и в соседней Якутии она известна лишь как редкий залётный вид.

Гнездо черноголового чекана *Saxicola torquata* найдено 24 июня у подножия горы Нейтлин. Оно располагалось на участке кустарниковой тундры с преобладанием карликовой берёзки и ольховника и было устроено под кустиком багульника, в небольшой ямке диаметром 8 и глубиной 4 см, обильно выстланной перьями. В гнезде находились 6 птенцов в возрасте 2-3 сут и 1 яйцо с погибшим зародышем. Самка слетела с гнезда за 2 м, однако наибольшее беспокойство проявлял самец. Вторая пара чеканов отмечена 29 июня в 300 м от этого места в аналогичной обстановке.

* Дорогой И.В. 1991. Гнездование деревенской ласточки и черноголового чекана на Чукотке // *Орнитология* **25**: 158.